

Очарованный странник в телогрейке политзэка

ЮБИЛЯР

В прихожей ярославской квартиры писателя Бориса Ивановича Черных (сегодня ему исполняется 70 лет) на самом видном месте висел ватник из Пермляга. На наш вопрос – он что, тут на всякий пожарный? – хозяин, будучи советским политзэком последнего поколения, с олимпийским спокойствием отвечал, что иногда его надевает, дает поносить друзьям – дескать, хорошо помогает от гордыни, в строгости душу держит.

Примерив ватничек, убедиться, что все так оно и есть, однажды довелось и автору сегодняшнего юбилейного эссе. Может быть, та «примерка» лучше объяснила этого человека. Например, то, почему учрежденную им в Ярославле литературную газету русской провинции «Очарованный странник» в середине 90-х называли чуть ли не самой тихой газетой в России.

Была она для неспешного домашнего чтения, для раздумий о вечных загадках бытия, о том, что произошло с Отечеством нашим на сломе времен. В «Страннике» печатались Александр Солженицын и Виктор Астафьев, Юрий Кублановский и Юлий Ким. Газета Черных из номера в номер ввнула нам, что значит по-солженицынски «жить не по лжи». Там не было крикливой публицистики, призывов к борьбе с кем бы то ни было, прожектов, как осчастливить наш народ и все человечество очередной спасительной утопией.

– Но мы ясно обозначаем верность национальному преданию, – никогда не упускал случая уточнить Борис Иванович, объясняя, что за газету выпускает. – Мы говорим читателям: давайте вместе вспомним, что мы русские, и тогда всем нам станет ясно, что каждому есть ради чего жить на родной земле.

Был убежден Борис Иванович: жизнь держится не на политиках, а на праведниках, в ней – нет, не перевелись левши и очарованные странники. Любил вспоминать одну свадьбу – оказался на ней случайно. Играли ее в пригороде Тутаева, как он говорил, «на беспризорной романовской стороне». Осень, на дворе какая-то «мглистая глухомань», а под той крышей будто морозом свежакотом засквозило. Видел гость: свет и ветер в душах, и они не от вина тогда были. Женки и его дружок-шафер, два паренька-смотника, решились на доджикотский поступок, на свой страх и риск сразиться с всеобщим раздраем. В фермеры пошли...

И сам-то Борис Иванович – человек поступка. В Ярославле он умудрился не просто карди-

нально поменять вид на жительство, перебравшись сюда из Иркутска вместе с сыном Андреем и снохой Натальей, но и жениться на ярославне и во второй раз стать отцом. В роддоме на Волжской набережной Бог дал им с Майей сына. Так они дома и звали его – наш Митя Волжский.

За каких-нибудь пять лет Черных основал две новые газеты, выпустил сборник рассказов «Озимы» (с предисловием Фазиля Искандера). Будучи убежденным в том, что живем во времена процветающей словесности, собрал в Ярославле Всероссийское совещание молодых писателей.

– Главное впечатление от него как от писателя, издателя, человека – тянет воз, не смотря ни на что, – говорил на вечеру в день 60-летия Бориса Черных в Некрасовке его московский друг, философ и публицист, исследователь Достоевского Юрий Карякин.

Сразу пояснил, что означают слова «тянет воз»: на противоходе «хищной эпохе» все так же одержим Борис восстановлением корней, убежден, что российскую колымагу вытянут из вековых топей культуры, православная вера, историческая память. Сам герой вечера, помнится, попросил своих гостей – писателей, библиотекарей, вузовскую профессуру, художников «не заливать встречу елеем». Предложил минутой молчания почтить память Льва Копелева и Булата Окуджавы.

Вместо тронной речи размышлял он об «искупительной жертве» – о короткой жизни друга, сына «врага народа» драматурга Александра Вампилова – живой классик был для него просто Саша.

То был вечер прощания. После трагической гибели соучредителя и главного спонсора «Очарованного странника», московского предпринимателя Виктора Повалыева, оставшись без поддержки, дальневосточник Черных после некоторых раздумий принял приглашение главы администрации Амурской области на должность советника по культуре. Обещал на новом месте возобновить «про-

Фото из домашнего архива семьи ЧЕРНЫХ.

Юбиляр (справа) со старшим сыном, учителем истории Андреем Черных.

винциальную литературу». Слово сдержал.

Время от времени напоминает о себе нашей редакции, с которой дружил. Присылает номера «историко-культурной газеты» под названием «Русский берег». Между прочим, «ярославские мотивы» постоянно в ней звучат. Открываем навскидку один из выпусков. Вникаем в обзор полемики на злобу дня «Бизнес и совесть».

В послесловии от редакции приведены высказанные столетие назад вполне неординарные и по нынешним временам мысли молочного предпринимателя с Верхней Волги Александра Чичкина о... романтике бизнеса, о том, как «бочкой масла, головкою сыра и бутылкой чистого, вкусного молока, которую мы дарим детям, можно в равной степени славить Отечество, служить благу и расцвету родной земли».

...Собирались мы поздравить «с юбиляром» Черных-младших ярославских – Наталью и Андрея. Оказалось, в кои-то веки подколопи на поездку в Иркутск и уехали туда в отпуск. Это ведь, подумалось, не только их юность, ботанический сад, «Вампиловское книжное товарищество», жестоко разогнанное компетентными органами, но и его молодость, «садовника» Бориса Ивановича.

В Иркутске Черных дружил с Вампиловым, здесь стал автором столичной «Литературки», известной «Недели», журналов «Юность», «Детская литература», «Семья и школа». Здесь Черных написал крамольное открытое письмо в адрес XV съезда ВЛКСМ о необходимости демократизации комсомола, наделал шуму на всю Сибирь грозным заглавием «Что делать?».

Был исключен из партии, как он сам писал, «исторжен» из обкома комсомола и молодежной

газеты, шел «по чиновничьим этапам» с безнадежным персональным делом злейшего фракционера. Его долго терзали допросами, испытывали на разрыв, переводя в камеры с рецидивистами. Отсюда тайно международным авиарейсом переправили его «подальше и навсегда» в омскую психушку. Но узник успел тогда выкинуть через форточку во двор записку о том, где его теперь искать, и ее подобрал ли маляры.

Увидятся ли с отцом в Иркутске Наташа и Андрей? Хорошо, если все у них сладится. Совсем нетрудно сейчас представить, как в разгар застолья Борис Иванович попросит Наташу прочесть что-нибудь из ее ярославской, первой, легкой как облака, книжки стихов, названной в память об Иркутске, «Ботанический сад».

Что прочтет? Может, это? «Ночь мечтает о рассвете, // а деревья о дороге. // О звезде вздыхает ветер, // а деревья о дороге. // Облако барашком белым // о траве густой тоскует, // а деревья – о дороге...»

Ярославская внучка Бориса Ивановича Ксения, правда, сказала нам по телефону, что дедушка, наверно, в Иркутск не приедет, потому что нездоров. Что ж, когда тебе без пяти минут семьдесят, такое случается. Но в чем можно быть твердо уверенным, что с душой у Бориса Ивановича по-прежнему все в норме. В тех краях есть у него могучая энергетическая подпитка от земли: он же потомок амурских казаков.

Деда его, георгиевского кавалера, в двадцать седьмом году расстреляли чекисты. Так что у Бориса Ивановича в портовом городе Благовещенске еще больше, чем было в Ярославле самых серьезных причин держать на виду этот знак судьбы – не снимать с вешалки в прихожей политзэковского ватника.

Юлиан НАДЕЖДИН